

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В XVI – XVII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВА)

Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев, УО «МГУ им. А.А. Кулешова»)

В XVI – XVII вв. большинство городов Беларуси получило магдебургское право, что оказало огромное влияние на жизнь горожан. В памятниках немецкого права - «Саксонском зеркале» и «Вайхильде магдебургии», – много внимания уделяется вопросам наследования. Однако, в рассматриваемое время жители белорусских городов не знали подлинного немецкого права, а пользовались переводами, которые были адаптированы к местным правовым условиям [2; С. 158; 6, 7, С. 27 – 28], что определило специфику наследственного права в белорусских городах.

В XVI – XVII вв. жители горожане, чувствуя приближение смерти, стремились обеспечить мир и покой в своей семье, для чего и составляли завещания: *«Ждан Мишкович, на тотъ часъ от пана Бога немоцью навежоны и хоробою обложною зложены <...> при паменти доброй будучи и збегаючи в часъ великимъ тродностямъ, ростиркомъ и незгодам, которые се деет звыклы межи блискими кровными, повинными приятельскими бех всякого вядового росправенья з сего света зыти мел, а покой жоне, дотемъ зоставитъ <...> таковыи тестамент учинил...»* [1, С. 83]. Все имущество усопшего являлось наследством: *«Все, что бы человек ни оставил после себя из своего имущества, называется наследством»* [4, С. 19]. Согласно «Саксонскому зеркалу» мужчина оставлял после себя двоякого рода наследство: *«Каждый мужчина рыцарского рода оставляет двоякого рода наследство: наследство ближайшему родственнику, равному ему по рождению, кто бы он ни был, и особое имущество воина ближайшему способному носить меч родственнику. Кто не принадлежит к рыцарству и военного щита не имеет, тот в случае смерти оставляет только наследство, но не военное снаряжение»* [4, С. 30]. Таким образом, наследство мужчин-горожан должно было состоять только из одной части, т.к. они не относились к военному сословию. Однако, исследования показывают, что деление имущества представителей сильного пола на части все-таки имело место. К первой из них относилось, прежде всего, недвижимое имущество, которое завещалось ближайшему родственнику мужского пола, вторая же часть – движимое имущество, а также деньги, - могла быть завещана любому из родственников по желанию составителя завещания: *«Окула Васковичт Пигор <...> таковыи тестамент учинил <...> Найпервей опарътной Аннушы, малжонце своей <...> отдал и отписал монеты и личбы литовское*

коп дваццать гр(о)шей <...> к тому той же малжонце свое Аннушы шубку кроликовую, сукном бурнатым крытую, и ку тому дочце своей Одары <...> отписал монеты и личбы литовское готовых гр(о)шей копъ трыдцать, а ку тому шубку лисю хутра нового лисего, сукном поволочоно, поес серебряный <...> А што седотычет о дом его властный <...> и зов сим будованьем, так <...> то все дъвум сыном своим Миките а Оверку, яко дедичом властным...» [1, С.403]; Семен Микитинич завещал «дочки свои Ходосю а Улиту, тым обема сто коп, кождоц по пятдесят коп гр(о)шей отписал <...> Познавши теж милость и услугованье по зятю своемъ, Паишу Сопроновичу, также и по дочце своей Варце, а жоне того зятя, им сполне отписал коп осмнадцат гр(о)шей, и ку тому жупан опкна серого муравского <...> А сестрыню своему, Данилу Гулковичу, скуру лосю шыту <...> А домъ свой властный <...> отписал <...> сыну своему Опанасу» [1, С. 566-567]. Мужья имели право своим завещанием отписать недвижимое имущество своим супругам: «Если муж умирает без детей, и если его наследник хочет притязать на этот дом после (смерти мужа), он так и не получает его, если жена (т.е. вдова) имеет свидетелей в том, что дом был передан ей» [3]. Такая ситуация сложилась в 1579 г.: «Авхим Молчанов, мещанин Могилевский, жаловаль на невеству свою Хотимью о томъ, иж она скоро по смерти небожчыка брата моего цетчоног(о) Васка Шпилевича в небытности моей на тот ч(а)съ дома, домъ небожчиковъский <...> продала. А учтивая Хотимья <...> поведила, иж тот домъ маю от небожчыка мужа своего духовницею отписаны...» (суд предоставил возможность Хотимье представить свидетелей составления завещания, после чего и будет вынесено окончательное решение) [1, С. 223].

Наследство женщин-горожанок, также делилось на две части: «Каждая женищина оставляет двоякого рода наследство: свою женскую долю — своей родственнице, которая является ближайшей по женской линии, и наследство — ближайшему родственнику, будь то женищина или мужчина» [4, С. 30]. Таким образом, к ближайшей родственнице переходили по наследству: «сундук, вся пряжа, постели, подушки, простыни, скатерти, полотенца, купальные простыни, умывальники, подсвечники, льняное белье и все женское платье, перстни, браслеты, головные украшения, псалтырь и все богослужебные книги, которые обычно читают женищины, кресла, лари, ковры, пологи, стенные ковры и все головные повязки. Это все то, что принадлежит к женской доле. Еще принадлежат к ней различные мелочи, как щетки, ножницы, зеркало...» [4, С. 289-29]. В то же время, вдовец являлся наследником части женской доли своей жены: «Если умрет чья-либо жена, то ее родственники, которые получают после нее ее женскую долю, должны из этой доли

выдать мужу его кровать, как она стояла тогда, когда его жена жила, его стол со скатертью, его лежанку [скамью] с периной и его стул с подушкой» [5, С. 92]. Так, в 1578 г. могилевская мещанка Поладья Иевлевна жаловала и оповедала на Семена Целепнина «...» жатя своего бывшего о томъ, иж дей онъ по смерти дочки моей внесене ее иншое мне вернул, а другого есче не вернул, которое и тепер у него есть и отдати не хочет, то есть котла поставног(о), перин, узголова, скатерти, сорочок двух, наметок «...» А уряд, выслухавши жалобу «...» и обачаючы, иж по смерти жоны мает остат у мужа ложе устлано, а иж иншые речы вернулъ, уряд волным учынил Семена Целепня...» [1, С. 150]. Особую часть наследство составляло приданное горожанки, которое после ее смерти переходило в руки ее родителей: матери (как это произошло в случае с Поладьей Иевлевной) или отца: «Андре Похобович чинил оповеданбе и светчене на учтывого Андрея Атрашъковича, штоже дей дал есьми был за него в стан светы малженски дочку свою, по которой дал есьми сукъмаю порпурияновую, чорную корову, узголове и перину, скриню, ино з Божого допусчя з сего света сошла, а маетность она при немъ се остала, которая яко спадок на мене приходитъ, а он оддати не хочет...» [1, С.15-16]. Наследство же горожанка могла завещать родственникам как по мужской, так и по женской линии. Так поступила в 1578 г. Олена Митковая: «таковы тестамент учынила, иж найпервей дом свой властны «...» которы се домъ ей по смерти небожчыку мужу ее Митку Сисоевичу досталь, такъ пляцу и огорода, што до того дому належит, учтывому Купре Мицьковичу, сыну своему рожон(ом)у «...» половину во всемъ дому отдала и отписала, а другую половину тогож дому «...» Степаниде унуце ее...» [1, С. 136].

В рассматриваемое время существовал четкий порядок наследования: «Наследство после сестры или брата отца или матери получает сын, а не дочь, разве только что сына не имеется, тогда наследство получает дочь «...» дитя сына или дочери получает наследство преимущественно перед отцом и перед матерью, и перед братом и перед сестрой, и вот почему: наследство не уходит от потомков до тех пор, пока имеются нисходящие потомки, равные по рождению» [4, С. 24]. Как видим, наследование велось по нисходящей линии: «Ивань а Тимошко Бутаки жаловали на братанича своег(о), иж он дей весполк з братомъ своимъ старшимъ Амеляномъ и з маткою у дому том, в которомъ тепер мешкают сами, што намъ прийдет по отцу нашом Кондрату, части дву поступити не хочет, кдыж мы по смерти отца своего з братомъ своим Миткомъ, а з их отцомъ, такое застановене учынили были, иж ему допустили мешкат у томъ дому, а мы мешкать мели у другомъ дому отцовскомъ «...» мы з нашею братею «...» дела ровного не мели «...» А

Демид, братаничь их <...> поведил, иж я дей от отца своего Митка отчыстым правом держу, а того не ведаю, есми межы собою они з отцомь моимъ який дель мели и о постановеню тог(о) не ведаю <...> Што я, весполокъ з радюю мескою, намовившысе межы собою. А обочаючы то, иж никто отчызны своей тратит не может <...> сказал есми Бутакомъ присегу, которую чають учынити самотрет <...> а кгдаж они присегу учынять, тогды тамъ у томъ дому, яко в будованью и в пляцу, дву части мети мают...» [1, С.477-478]. В данном случае столкнулись интересы двух ветвей потомков: детей могилевского мещанина Митка, и его братьев. И те и другие являлись потомками по нисходящей линии. В первом случае дети Митка являются его прямыми потомками, и имущество отца должно было перейти именно к ним. В то же время сам Митко и его братья являлись наследниками своего отца, Кондрата, по нисходящей линии. В том же случае, если у усопшего не было детей, то его наследниками становились его родители. Преимущественное право наследования имел отец, и только в его отсутствие мать: «Если мужчина умирает бездетным, то его наследство получает его отец. Если у него нет отца, то наследство получает мать преимущественно перед его братом» [4, С.24]. Так, в 1578 г. Ивашко Васкович Дробышевич претендовал на наследство по усопшем брате, Юшко, но не получил его, т.к. к моменту смерти Юшко были живы его дети, являвшиеся наследниками своего отца по нисходящей линии, а потом они умерли не оставив по себе потомком. Таким образом, вдова, как мать своих детей, унаследовала имущество своих детей [1, С.77].

Таким образом, в XVI – XVII вв. жители белорусских городов при решении споров, касающихся наследства, широко применяли нормы городского «немецкого» (магдебургского) права, что определило специфику их матримониального поведения в данной области.

Литература:

1. Акты издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Типограф. Губ. правл., 1865 – 1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578 – 1580). – 1915. – 664 с.
2. Дзербіна, Г. Права і сям'я ў Балерусі эпохі Рэнэсансу / Г. Дзербіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
3. Право, посланное (сообщенное) шеффенами Магдебурга городу Тёрлицу в 1304 году // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / пер. Л. П. Галанзы, Л. И. Дембо. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/Magdeburg_recht/text.htm. – Дата доступа: 08.01.2007.

4. Эйке из Репкова Саксонское зеркало. В 3-х ч. Ч. 1: Земское право. Кн. 1 / пер. Л. И. Дембо. – М.: Наука, – 1985. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frametext1.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007
5. Эйке из Репкова Саксонское зеркало. В 3-х ч. Ч. 1: Земское право. В 3-х книгах. Кн. 3 / пер. Л. И. Дембо. - М.: Наука. – 1985. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XIII/Sachsenspiegel/frametext3.htm>. – Дата доступа: 08.01.2007
6. Юргинис, Ю.М. Судьба магдебургского права в литовских городах / Ю.М. Юргинис // История СССР. – 1975. – № 4. – С.145-155.
7. Юхо, I. Крыніцы беларуска-літоўскага права / I. Юхо.– Мн.: Беларусь, 1991. – 238 с.

Электронная библиотека
Белорусско-Российского университета